

Отблеск Серебряного века

Дипломатия изящной
словесности не преграда

- в этом, помня о Грибоедове и Тютчеве, лишний раз убедились приглашенные на вечер поэзии Юргиса Балтрушайтиса.

Поварская, 24, островок Литвы. Кусочек своей янтарной родины, с любовью и вкусом отреставрированный, показывали гостям на вечере, посвященном первому послу Литвы, поэту-символисту Юргису Балтрушайтису. В этом старом московском доме располагалась дипломатическая миссия, которую с 1921 года по 1939-й возглавлял человек во всех отношениях примечательный, впитавший культуру многих народов.

«Я странник» - так начал он одно из своих стихотворений и был недалек от истины: родившись в крестьянской семье, в Ковенской губернии (теперь это окрестности Каунаса), Балтрушайтис жил во многих европейских странах, свободно изъясняясь на их языках и переводя на русский их писателей - норвежец Генрих Ибсен знаком нашему читателю и в переводах литовского дипломата.

По происхождению он был литовец, а по сути - деятель русской культуры, что лишний раз подтверждает очевидную вещь: русская культура не являлась моноэтнической, в ней никому не было тесно, и «всяк сущий в ней язык» находил достойное место. Балтрушайтис занял две ниши - переводчика и поэта-символиста, одного из тех, кто составил славу Серебряного века русской поэзии.

Он сочинял и по-литовски, и по-русски; стихи сначала напечатал на русском (вышло два сборника - в 1911 и 1912 годах) и лишь через два десятка лет - на родном литовском, хотя вряд ли уместно называть русский неродным, если Юргис на равных участвовал в поэтических турнирах с Брюсовым и Бальмонтом. «Под сонное пенье фагота усталые пары скользят...» - это написано по-русски.

В России он был своим: окончил Московский университет, дружил со Скрябиным, Станиславским, Немировичем-Данченко, Комиссаржевской, Коонен, Шаляпиным, Брюсовым, Андреем Белым, Бальмонтом и многими, многими другими, олицетворявшими цвет русской культуры. Дом на Поварской был открыт для всех.

Прекратив свои дипломатические полномочия в 1939 году, Балтрушайтис не вернулся в Литву и не

остался в СССР - он уехал в Париж, и это обстоятельство помешало ему разделить печальную судьбу некоторых своих близких знакомых: в деле Всеволода Мейерхольда литовский дипломат числился агентом бог знает какого количества иностранных разведок.

Во Франции найдены его архивы. Там есть письма Рериха, Горького, Скрябина, очень многих знаменитых русских людей. Есть там и письма самого Балтрушайтиса - сотни, и адресованы они жене, Марии Оловянишниковой. Ей он писал дважды в день.

На Поварской, в доме 24, метельным февральским вечером говорили о жизни первого посла Литовской республики в России Юргиса Балтрушайтиса, читали стихи русско-литовского (или литовско-русского?) поэта Юргиса Балтрушайтиса, разглядывали репродукции его любимого художника Микалоюса Константинаса Чюрлениса, слушали минорные этюды Баха. Как заметил один из участников, после Баха легко говорить о Балтрушайтисе.

Этот праздник состоялся благодаря усилиям человека, который тоже является частью нашей культуры, - знаменитого актера Юозаса Будрайтиса, второй год работающего советником посольства Литвы. Господин Будрайтис замечательно фотографирует, его снимки - художественные произведения, пишет картины, в чем также преуспел, словом, строгий костюм дипломата не стесняет его творческой свободы. Какие занятные параллели получаются!

Елена СУББОТИНА.

Моск. правда, - 1997. - 20 февр.
- с. 6